

Итоги президентской кампании 2018 г. и динамика трансформации электоральных размежеваний

22 марта 2018 г. состоялось заседание Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН, посвященное теме **"Итоги президентской кампании 2018 г. и динамика трансформации политических и электоральных размежеваний"**. В заседании приняли участие д.полит. н. Д.В. Ефременко, д.полит. н. Ю. Г. Коргунюк, д.полит. н. Е. Ю. Мелешкина, д.полит. н. В. С. Авдонин, д.экон. н. С. Н. Смирнов, к. соц.н. А. М. Понамарева.

С основным докладом выступил ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, д.полит. н. Ю. Г. Коргунюк. Он отметил, что президентская кампания 2018 г., как и все кампании предыдущего десятилетия, велась в условиях жесткого контроля за политическим пространством со стороны власти. У кампании были, по сути, три интриги: 1) удастся ли обеспечить явку на уровне не ниже 2012 г.; 2) кто займет второе место; 3) кто займет четвертое место. Наиболее напрашивающимися ответами на эти вопросы были: 1) не удастся; 2) Грудинин; 4) Собчак. Два последних ответа оказались верными, первый – нет.

Жесткий контроль за избирательным процессом не исключил, однако, определенной "либерализации", выразившейся в росте числа зарегистрированных кандидатов. Если в выборах 2008 г. участвовали всего 4 кандидата, в 2012 – пять («вне игры» оказался даже Г. Явлинский), то в нынешних – целых восемь. Причем можно с высокой степенью уверенности утверждать, что у трех из них – К. Титова, С. Бабурина и М. Сурайкина – на старте кампании отсутствовали достаточные ресурсы для сбора 100 тыс. подписей в свою поддержку. В особенности это касается С. Бабурина, который несколько лет назад свернул политическую деятельность и с тех пор не обновлял сайт возглавляемого им Российского общенародного союза. Эти три кандидата явно не стремились расширить повестку собственных выступлений, ограничиваясь повторением пунктов своих платформ. Их цель, очевидно, состояла в том, чтобы оттянуть голоса у П. Грудина (Сурайкин), В.Жириновского (Бабурин) и тандема Явлинский–Собчак (Титов; при том, что последних также можно считать эрзац-заместителями не допущенного к выборам А. Навального).

Главный кандидат – действующий президент Владимир Путин – тоже не слишком беспокоился об охвате всей политической повестки. Однако именно он мог позволить себе подобную роскошь, выбрав в качестве полемической мишени не отечественных горе-оппонентов, а коллективный Запад как таковой.

Остальные кандидаты отработывали свою программу более-менее добросовестно. Это касается в том числе К. Собчак. Безотносительно к мотивам ее участия в выборах, нельзя не отметить, что она все делала для того, чтобы как минимум накопить первоначальный капитал для будущей политической карьеры. В частности, она старательно пыталась освоить актуальную политическую повестку, определив свою позиции по всем жгучим вопросам.

В какой-то мере то же самое касается и кандидата от КПРФ П. Грудина – с тем исключением, что, в отличие от Собчак, он не пытался делать это самостоятельно: к его услугам был штаб, возглавляемый лидером КПРФ Г. Зюгановым. В результате позиция Грудина по ключевым вопросам повестки дня оказалась тождественной позиции Компартии, что гарантировало кандидату поддержку ядерного электората КПРФ, но не очень способствовало выходу за его пределы.

Конечно, в качестве кандидата в президенты Грудинин смотрелся лучше, чем Зюганов – последний из-за отсутствия харизмы в принципе плохо справляется с ролью публичного политика. Но к роли кандидата в президенты Грудинин был не готов и

серьезно уступал в этом плане, например, Ю. Болдыреву, для которого не составило бы никакого труда четко сформулировать оптимальную для левого электората позицию по всем вопросам политической повестки. Но, видимо, именно поэтому, а также в силу малой предсказуемости дальнейших действий кандидатура Болдырева мало устраивала те силы, которые принимали решение о выдвижении кандидата от КПРФ.

Тем не менее, Грудинин, даже повторяя основные тезисы программы КПРФ, достаточно легко стал обходить в предвыборной гонке своего главного конкурента В. Жириновского, которому многие накануне избирательной кампании уверенно предсказывали второе место. Этим, судя по всему, объясняется развязанная против Грудина "разоблачительная" кампания в СМИ, не имевшая никакого отношения к содержанию того, о чем в своих выступлениях говорил кандидат от коммунистов.

Результаты голосования 18 марта не принесли никаких сюрпризов (за исключением показателей явки). Регрессионные модели демонстрируют наличие устойчивых связей между данными по явке и доле отданных за кандидатов голосов (зависимая переменная) и выступающих в качестве независимых переменных факторных оценок (factor scores) тех факторов социальной стратификации, которые были выявлены с помощью факторного анализа демографических и социально-экономических показателей субъектов РФ. Наиболее сильные коэффициенты детерминации оказались у данных по явке (0,5) и результатов голосования за Явлинского (0,659), Собчак (0,648), Жириновского (0,646) и Титова (0,565), наименьшие – у результатов голосования за Сурайкина (0,191) и Грудина (0,254).

Если для кандидатов с относительно высокими долями голосов сильная обусловленность социальными факторами – вещь "естественная", то для получивших менее 1% – не совсем – и объясняется, главным образом, четким идеологическим лицом участников кампании. Среди последних не оказалось "случайных" с идеологической точки зрения кандидатов – каждый представлял определенную часть политического спектра: В. Путин – власть как таковую, П. Грудинин и М. Сурайкин – коммунистов, В. Жириновский и С. Бабурин – патриотов-государственников, Г. Явлинский, К. Собчак и Б. Титов – либералов.

Факторный анализ результатов голосования¹ на уровне субъектов Федерации выявил три размежевания с собственным значением (eigenvalue) выше единицы: 1) В. Путин против всех остальных кандидатов; 2) П. Грудинин и В. Жириновский против Г. Явлинского, Б. Титова, К. Собчак и В. Путина; 3) М. Сурайкин против К. Собчак и недействительных бюллетеней. В этих размежеваниях явно чувствуется определенная политическая логика, легко выявляющаяся сравнением факторных нагрузок (factor loadings) кандидатов с их аналогичными показателями в политическом пространстве.

Если провести тщательный мониторинг публичной агитации кандидатов, выделить вопросы, вызвавшие наиболее оживленную дискуссию, обозначить позиции участников по каждому из вопросов по шкале от -5 до +5, а затем подвергнуть полученные цифры факторному анализу, то в итоге обнаруживается, что политическое пространство избирательной кампании базировалось на трех размежеваниях:

1) "антиимпериалисты" (К. Собчак и Г. Явлинский) против "империалистов" (все остальные, кроме Б. Титова) – вопросы, вызвавшие наибольшую поляризацию,

¹ Подробно методика исследования изложена в следующих работах: Коргунюк Ю.Г. Партийная реформа 2012–2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах России. – *Политические исследования*. 2015. № 4. С. 97–113; Коргунюк Ю.Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения. – *Политическая наука*. 2017. № 1. С. 90–119; Korgunyuk Yu. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia. – *Perspectives on European Politics and Society*. 2014. Vol. 15. N 4. P. 401–415

касаются отношения к внешнеполитическому курсу руководства РФ и событиям вокруг Крыма и Украины;

2) "власть против оппозиции" (В. Путин против остальных); главные точки размежевания – отношение к действиям и планам властей во внутренней политике;

3) "лоялисты-рыночники" (Б. Титов и В. Путин) против левых (М. Сурайкин и П. Грудинин); главные пункты размежевания – степень вмешательства государства в экономику.

Корреляционный анализ факторных нагрузок кандидатов в политическом и электоральном пространстве (табл. 1) выявил тесную связь между первым электоральным и вторым и третьим политическими размежеваниями, вторым электоральным и первым и третьим политическими, а также третьим электоральным и первым политическим.

Таким образом, с политической точки зрения первое электоральное размежевание можно смело трактовать как властно-оппозиционное, второе – как противостояние рыночников и социал-патерналистов, усугубленное известным "империалистическим" оттенком, третье – как противостояние "империалистов" и "антиимпериалистов", воспроизводящееся уже на более маргинальном уровне.

Таблица 1. Корреляция между политическими и электоральными размежеваниями на президентских выборах-2018

	1-е политическое размежевание	2-е политическое размежевание	3-е политическое размежевание
1-е электоральное размежевание	-0,044	0,724	-0,539
2-е электоральное размежевание	0,722	-0,300	-0,744
3-е электоральное размежевание	-0,587	0,298	0,277

Регрессионный анализ (множественная линейная регрессия), при котором в качестве зависимой переменной выступают факторные оценки (factor scores) электоральных размежеваний, а в качестве независимых – социально-демографические и экономические характеристики субъектов Рос сийскоФедерации, также заблаговременно подвергнутые факторному анализу, позволяет обнаружить достаточно высокую степень обусловленности голосования факторами социальной стратификации.

Так, первое электоральное размежевание имеет в качестве предикторов сразу шесть ведущих факторов социальной стратификации: уровень урбанизации, демографические характеристики, уровень экономической самостоятельности населения, уровень социального благополучия, уровень экономической самостоятельности территории, уровень господдержки территорий – с коэффициентом детерминации (R^2) равным 0,59. У второго размежевания коэффициент даже выше (0,605), но в числе предикторов отсутствуют такие важнейшие, как уровень урбанизации и демографические характеристики, зато к последующим четверем добавляется уровень эффективности предприятий. У третьего электорального размежевания коэффициент детерминации существенно ниже (0,228), а список предикторов – уже (демографические характеристики, уровень социального благополучия и уровень господдержки территорий).

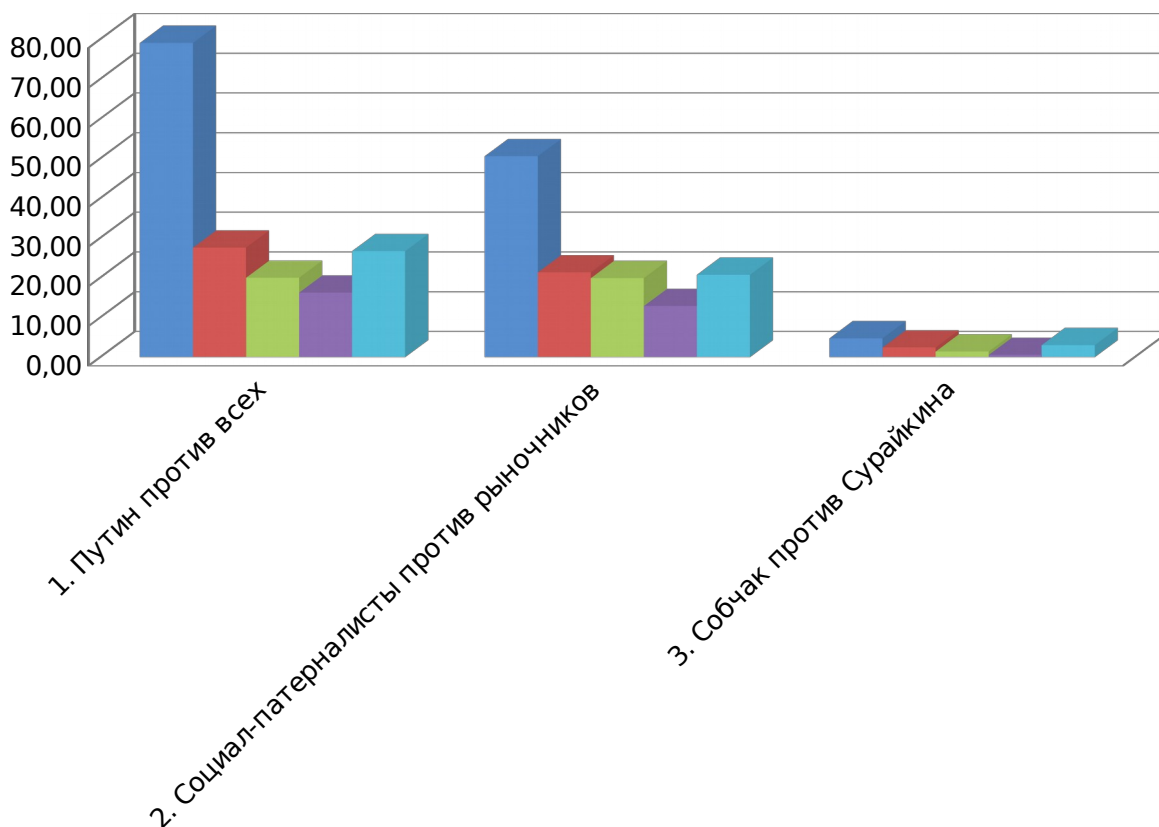
"Взвесить" каждое из размежеваний можно с помощью следующих инструментов: 1) коэффициент максимального ареала электорального размежевания (M_c), получаемый посредством сложения коэффициентов участия партий в соответствующем размежевании (доля голосов, помноженных на модуль факторной нагрузки); 2) коэффициент эффективного ареала размежевания (E_c), который вычисляется

сложением коэффициентов участия партий, представляющих слабую сторону противостояния; 3) коэффициент политизации размежевания (P_c), получающийся в результате умножения коэффициента эффективного ареала на модуль коэффициента корреляции соответствующего электорального размежевания с тем или иным политическим; 4) коэффициент социализации размежевания, получаемый в результате умножения коэффициента эффективного ареала на коэффициент детерминации, отражающий связь соответствующего ЭР с факторами социальной стратификации; 5) совокупная дисперсия размежевания (AV), представляющая собой половину суммы разбросов (разницы между максимальным и минимальным результатом) в голосовании за каждую партию, помноженных на модуль факторной нагрузки каждой партии по соответствующему размежеванию.

Показатели этих коэффициентов приблизительно отражают процент вовлеченных в размежевание избирателей. Конечно, строгость подсчетов можно подвергнуть сомнению, но в данном случае важнее не точность, а возможность сравнивать разные размежевания по единому образцу.

Показатели выявленных по итогам выборов 18 марта электоральных размежеваний представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Характеристики размежеваний на президентских выборах 2018 г.

Как можно заметить, первое электоральное размежевание ("Путин против остальных"; "власть против оппозиции") заметно превосходит второе ("социал-патерналисты против рыночников") по своему максимальному ареалу. Вместе с тем его эффективный ареал, коэффициент социализации и особенно коэффициент политизации уже не демонстрируют столь эффектного преимущества. Что касается третьего

размежевания, то оно по всем показателям маргинально и может рассматриваться как своего рода вишенка на торте.

Следует отметить также относительно невысокую совокупную дисперсию всех размежеваний. Для первого и второго ЭР она существенно уступает максимальному ареалу, хотя, правда, впритык приближается к эффективному. У третьего ЭР она даже превышает коэффициент E_c , хотя в данном случае это не имеет почти никакого значения. Невысокая совокупная дисперсия говорит о том, что данные электоральные размежевания скорее объединяют страну в единое целое, нежели раскалывают ее (высокие показатели AV , напротив, говорят о расколоте состоянии общества, в котором разрыв между политическими предпочтениями разных регионов явно угрожает единству страны).

Если сравнить структуру электоральных размежеваний нынешних и предшествующих выборов, то бросается в глаза, что такое большое количество ЭР (три) имело место только в 2000 г.; в 1991, 1996, 2004 г. их было по два, а в 2008 и 2012 – полтора (точнее одно, если сохранить отсекающий барьер для собственных значений факторов на уровне единицы, но если его несколько понизить – в определенных случаях это не возбраняется, – то обнаруживается и второе).

Ретроспективный обзор предыдущих президентских выборов с точки зрения концепции размежеваний дает следующую картину.

В 2012 г. было зафиксировано два размежевания: 1) властно-оппозиционное (Путин против всех) – с максимальным ареалом более 90 и эффективным более 56; 2) "социал-патерналисты против коммунистов" (Г.Зюганов против М. Прохорова); $M_c = 26,23$, $E_c = 22,77$.

В 2004 и 2008 г. – те же самые и примерно с теми же показателями, за тем только исключением, что в 2008 г. место В. Путина занимал Д. Медведев, который во втором размежевании вместе с А. Богдановым противостоял Г.Зюганову, а в 2004 г. противостояние социал-патерналистов и рыночников олицетворялось кандидатом от КПРФ Н. Харитоновым и самовыдвиженкой И. Хакамадой.

В 2000 г. ситуация была сложнее. Самое большой максимальный и эффективный ареалы ($M_c = 78,17$, $E_c = 53,29$) были у второго по счету электорального размежевания – В. Путин против Г.Зюганова. Это ЭР явно носило как властно-оппозиционный, так и рыночно-антирыночный характер. Первое и третье размежевания были скорее ситуационными. Первое представляло собой противостояние лидеров кампании (В. Путина и Г.Зюганова) ее аутсайдерам (Г. Явлинский, Э. Памфилова, В. Жириновский). У него были невысокий максимальный (25,23) и эффективный (15,08) ареалы, а совокупная дисперсия (22,98) почти приближалась к M_c . С третьим размежеванием – А. Тулеев против К. Титова и Г. Зюганова – дело обстояло еще хуже: небольшой максимальный ареал (20,27) с еще меньшим эффективным (6,01) при совокупной дисперсии, почти вдвое превосходящей M_c (38,71). Таким образом, первое и третье ЭР можно считать своего рода шлаком, отражающим переходный характер электорального пространства и свойственные последнему фрагментированность и неустойчивость.

Выборам 1996 г. (первый тур) также был свойственна переходная природа. Первое электоральное размежевание представляло собой противостояние не Б. Ельцина и Г. Зюганова, как это логично было ожидать, а Г. Зюганова – своим конкурентам из числа оппозиции (А. Лебедю, Г. Явлинскому и В. Жириновскому). У этого размежевания были достаточно высокие максимальный и эффективный ареалы ($M_c = 51,23$, $E_c = 49,69$), тем не менее по этим показателям оно уступало второму ЭР – Б. Ельцин против консервативных конкурентов (Г. Зюганова, А. Лебеда и В. Жириновского) с максимальным ареалом в 60,85 и эффективным в 55,78. Таким образом, ведущим

размежеванием выборов 1996 г. было не первое, а второе, хотя первое также обладало вполне четкой политической интерпретацией: противостояние коммунистов другим разновидностям оппозиции.

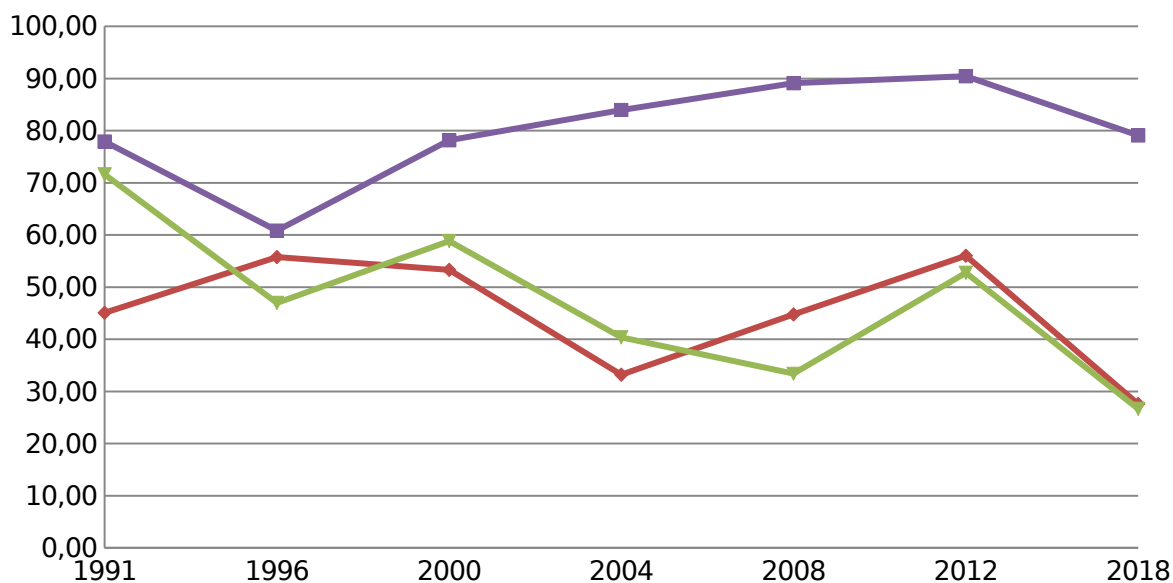
Наконец, на выборах 1991 г. второе размежевание (А. Тулеев против А. Макашова и В. Бакатина), тоже носило откровенно "мусорный" характер, о чем свидетельствовали, в частности, невысокие коэффициенты максимального и эффективного ареала ($M_c = 20,21$, $E_c = 13,41$). Ведущая роль, несомненно, принадлежала первому ЭР – Б. Ельцин против всех остальных: у него был высокий максимальный ареал (77,92) при относительно невысоком эффективном (45,05) и очень большой совокупной дисперсии (71,62). Эти выборы явно свидетельствовали о расколе страны на "прогрессистские" и "реакционные" регионы, который впоследствии вылился в противостояние между президентом и Съездом народных депутатов РФ.

Если посмотреть на эволюцию характеристик основного электорального размежевания президентских выборов² (рис. 2), то обнаруживается, что самое низкое значение коэффициента его максимального ареала приходится на 1996 г., т.е. на выборы, предсказуемость исхода которых была наименьшей. Этим же выборам присуще и наибольшее сближение показателей максимального и эффективного ареала, что еще раз говорит о высоком накале конкурентной борьбы. В дальнейшем максимальный ареал этого размежевания расширялся вплоть до 2012 г. и только в 2018 несколько снизился.

Нижняя же точка эффективного ареала была достигнута именно на нынешних президентских выборах. В предыдущий раз примерно такого же низкого уровня данный показатель достигал в 2004 г. И ту и другую президентские кампании отличало полное отсутствие интриги относительно их исхода. Пик же коэффициента эффективного ареала пришелся на 2012 г. – тогда он был выше даже чем в 1996 и 2000 гг.

На прошедшие 18 марта выборы пришлось также самые низкие значения совокупной дисперсии, для которой в принципе свойственна тенденция к снижению по сравнению с пиком, достигнутым в 1991 г. При этом совокупная дисперсия всегда была ниже максимального ареала, но в 2000 и 2004 гг. несколько превышала эффективный ареал.

Рисунок 2. Изменение характеристик основного размежевания на президентских выборах (1991-2018)

² В 1996 и 2000 гг. оно было вторым в иерархии, во всех остальных случаях – первым.

В целом наблюдаемая эволюция свидетельствует о тенденции к снижению уровня конкурентности президентских выборов в РФ. Вместе с тем можно констатировать и некоторые положительные тенденции – в частности, определенную "институционализацию" структуры размежеваний. Если в 1990-х и начале 2000-х гг. на этой структуре лежал явный отпечаток переходного периода, отражающий фрагментированность и неустойчивость предпочтений избирателей (это выливалось, в частности, в появлении "мусорных" размежеваний, порождаемых сильной местной поддержкой "случайных" кандидатов), то впоследствии электоральное поведение приняло более рациональный характер и стало более предсказуемым с политической точки зрения. Конечно, во многом это было связано с "упорядочивающим" воздействием административного ресурса, однако не только. В частности, трехфакторная структура размежеваний выборов 2018 г. не может быть объяснена административным ресурсом и говорит, скорее, о формировании в массовом сознании более четкой картины политического мира, даже если сама эта картина основана на причудливой комбинации реалий и политической мифологии.

В рамках последовавшего за докладом Ю.Г. Коргунюка обсуждения участники заседания обменялись мнениями об устойчивости сложившейся к настоящему моменту властной конструкции в контексте итогов президентских выборов-2018.

Определить перспективы трансформации российской политики на долгосрочный период собравшиеся попытались, ответив на вопрос: имеем ли мы дело с «железобетонным» вариантом политической стабильности, из-под которой не прорастет ни один «росток», или, напротив, за этой ширмой устойчивости вызревают процессы, способные обернуться радикальными политическими изменениями в условиях социально-политического кризиса или крайнего усиления внешнего давления.

Своеобразная «советскость» нашего общества, выражающаяся в фактическом отсутствии полноценного классового деления (свыше 60% населения в РФ характеризуется тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности»), проявилась и в слабой связи между голосованием за нового кандидата от КПРФ и социальной стратификацией. П. Грудинин не смог «унаследовать» весь электорат Г. Зюганова. Произошло перераспределение избирателей: многие бывшие сторонники Геннадия Андреевича переметнулись к Путину «по империалистическому признаку», в то время как ряд либералов проголосовал за товарища от КПРФ просто для обозначения своего несогласия с политикой действующего президента. Причем вопрос, является ли П. Грудинин чисто ситуативной фигурой или его появление отражает серьезные эволюционные изменения в левом движении, остается открытым.

По оценке ряда экспертов, ключевым «месседжем» этих выборов стала военная часть послания В.В. Путина Федеральному Собранию, в то время как социальные вопросы, традиционно, остались без внимания широких слоев общества. Главный кандидат, в том числе, благодаря умело разыгранной патриотической карте, получил поддержку подавляющего числа избирателей, а политический режим продемонстрировал способность оперативно реагировать на исходящие от общества импульсы. Но были бы результаты столь впечатляющими, если бы обычный избиратель ориентировался не на лозунги, а, например, внимательно изучил экономическую часть предвыборной программы Владимира Путина? И можно ли рассчитывать, что, решив задачу переизбрания, лидер страны с большим вниманием отнесется к вопросам социальной защиты населения, вытесненным на периферию массового сознания риторикой противостояния с Западом, как с неким «обобщенным другим»?

Участники заседания констатировали, что в современных условиях, выборы, как социальный институт, используются не для решения фундаментальных проблем, а в

качестве механизма подтверждения легитимности политического режима и фиксации сложившегося баланса сил. Это аспект, безусловно, следует учитывать при анализе электоральных размежеваний. Оказанная кандидату В.В. Путину массовая поддержка едва ли может расцениваться как показатель стабильности политической системы. Риски режимов «ручного управления» являются обратной стороной их привлекательности для стоящих у руля власти: они связаны с институциональным недоразвитием. Стабильность персоналистского режима держится на априори ограниченных ресурсах, которыми он обладает. И сегодня в России сложилась не самая благоприятная ситуация для восполнения этих ресурсов. Причем здесь фактор противостояния с Западом будет играть все более значимую роль.

Российская политическая система будет демонстрировать *инерционную* стабильность до тех пор, пока не произойдет какой-то значимый кризис. Пока же основные политические акторы и население заинтересованы в сохранении *status quo* и пусть не самых привлекательных, но в целом *понятных* правил игры. Элитные группы также включены в систему. Причем эта система ориентирует всех на извлечение сиюминутной выгоды, она не открывает горизонт долгосрочного планирования (в самом лучшем случае – на шесть лет вперед) и абсолютно *никому* не предоставляет никаких гарантий. А при отсутствии гарантий любые попытки выйти на значимые институциональные трансформации воспринимаются политическими игроками, как связанные с неприемлемыми для них лично рисками.

После каждых новых президентских выборов мы получали нового Путина, констатировали присутствовавшие. Путин-2012 боролся не против соперников по тогдашней президентской кампании, а против Болотной. Это противостояние стало главным размежеванием, предопределившим дальнейший поворот во внутренней и внешней политике. Для Путина Болотная была «внутренним Майданом», а последовавший вскоре новый Майдан стал «внешней Болотной». Получим ли мы сейчас нового Путина? Через противопоставление чему определит он себя как политического лидера? Через антитезу коллективному Западу или самому себе образца 2018 г.? В ближайшее время мы увидим, какой политический вектор будет избран.